
НОВЫЕ НАУЧНЫЕ ПРАВОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

ОБЗОРЫ НАУЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ И РЕЦЕНЗИИ ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

УДК 34.01

DOI: 10.31249 /iajpravo/2024.02.012

СКУРКО Е.В.¹ СУЩНОСТЬ, ПРЕОБРАЗОВАНИЯ И БУДУЩЕЕ ПРАВА

Аннотация. Сущность права, его преобразующая социальные отношения сила, а также перспективы правового развития – «вечные» теоретические вопросы права. Праву как социальному явлению не чужды трансформация и модернизация. Анализ правовых систем современности, их динамики позволяет исследователям рассматривать сущность права, роль права как социального регулятора, правовую материю и правовую форму – в духе общественного развития и общественных ожиданий. В обзоре представлены новейшие работы отечественных и зарубежных специалистов по теории права, отражающие новейшие подходы и идеи в анализе сути права и его институциональной и инфраструктурной роли в социуме.

Ключевые слова: теория права; философия права; сущность права; эволюция права; правовые преобразования; правовое будущее.

SKURKO E.V. Essence, transformations and future of law

Abstract. The essence of law, its force to transform social relations, as well as the prospects for legal development are «eternal» ques-

---

¹ Скурко Елена Вячеславовна, старший научный сотрудник отдела правоведения ИНИОН РАН, кандидат юридических наук.

tions of the theory of law. Law as a social phenomenon is not alien to transformation and modernization. The analysis of modern legal systems and their dynamics allows researchers to consider the essence of law, the role of law as a social regulator, legal matter and legal form – in the spirit of social development and public expectations. The review presents the latest works of domestic and foreign experts in the theory of law, reflecting the latest approaches and ideas in the analysis of the essence of law and its institutional and infrastructural role in society.

Keywords: theory of law; philosophy of law; essence of law; evolution of law; legal transformation; legal future.

Для цитирования: Скурко Е.В. Сущность, преобразования и будущее права // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература : ИАЖ. Сер. 4: Государство и право. – 2024. – № 2. – С. 156–170. – DOI: 10.31249 /iajpravo/2024.02.12

Введение

В современном обществе право выполняет две функции – поддерживает нормативные ожидания и преобразует социальные явления, придавая им правовые формы. С философской точки зрения право можно представить и как «цель», и как «средство». Правопонимание до некоторой степени определяет динамизм современных правовых систем, но их историчность не менее значима. И первое, и второе в существенной степени определяют будущее права.

Актуальным проблемам и подходам к развитию правового регулирования с точки зрения философии права и его эволюции посвящена данная обзорная статья, отражающая новейшие исследования и идеи представителей теории права в России и за рубежом.

Вопросы сущности права. В 2022 г. в Саратовской государственной юридической академии был выпущен сборник статей к столетию со дня рождения доктора юридических наук, профессора Михаила Иосифовича Байтина, одного из ведущих ученых – теоретиков права.

Фундаментальный для современного отечественного правоведения труд М.И. Байтина «Сущность права (Современное нормативное правопонимание на грани двух веков)», опубликованный

в 2001 г.¹, отражал позиции и взгляды большей части отечественных юристов, их реакцию на перемены в российском праве и правовой системе страны после 1991 г. В анализируемом сборнике научных статей «Сущность права» под редакцией В.М. Баранова, С.А. Белоусова, И.Н. Сенякина [1] современными российскими учеными развиваются и переосмысливаются ключевые для теории и философии права вопросы, и прежде всего – вопрос о сущности права.

Историко-философские вопросы осмысления сущности права составляют основное содержание данной коллективной работы. Освещаются проблемы справедливости и правопонимания (А.В. Аверин, В.М. Шафиров, В.П. Малахов, Р.А. Осипов); духовно-нравственные аспекты и ценности права (С.Н. Бабурин, Т.Н. Радько, А.М. Осавелюк, О.В. Лазарева), вопросы гносеологии права (В.М. Баранов, С.И. Захарцев, В.П. Сальников) и др.

Так, по мнению А.В. Аверина, вопрос о происхождении права представляется ключевым в понимании его сущности. В поиске ответа на него существует два различных подхода. Первый – наиболее распространенный – от теоретических предпочтений в понимании права к поиску объяснения его генезиса. Второй – противоположный – заключается в поиске закономерностей, благодаря которым в человеческом общежитии должен был появиться данный регулятор общественных отношений [1, с. 8].

Формирование права как социального регулятора происходит постепенно – его возникновение является результатом действия природных закономерностей, которые могли проявиться при стечении определенных обстоятельств. Право как специфический социальный регулятор появляется там и тогда, где и когда закономерности социального развития «вызвали его к жизни», поскольку иные, уже существующие социальные регуляторы (предтеча права – по М. И. Байтину) не в полной мере «справлялись» с важнейшей своей функцией, позволяющей социуму, достигшему определенного уровня развития, далее существовать и динамично развиваться [там же].

---

¹ См.: Байтин М.И. Сущность права (современное нормативное правопонимание на грани двух веков). – Саратов, 2001. – 416 с.

Взаимосвязь сущности права и справедливости А.В. Аверин выстраивает, опираясь на классических философов, экономистов, социологов, юристов. В истории философии справедливость рассматривалась как социальное явление, не только охватывающее все стороны общественной жизни (Платон), но и определяющее общественные устои (Г.В.Ф. Гегель). Справедливость в качестве социального явления возникает как продукт взаимодействия людей (К. Маркс), она существует уже в первобытном обществе (П. Лафарг), а также изменяется в результате развития данного конкретного общества. При этом хотя сформированные в данном конкретном обществе идеалы справедливости изначально и воспринимаются людьми «как данность», но отдельными лицами, социальными группами или обществом в целом они оцениваются по-разному: как приемлемые или неприемлемые («консервативная» и «революционная» стороны справедливости – Ф. Энгельс). Самому содержанию справедливости присуще свойство противоречивости, разрешение которого зависит от ответа на вопрос, по отношению к индивиду, группе или обществу был бы справедлив тот или иной идеал (к друзьям или врагам – Сократ; господам либо рабам, порядочным или никчемным людям – Платон; равным или неравным – Аристотель; классу, профессии – Ф. Энгельс; цеху, пролетариату, всем членам общества – В.И. Ленин) [1, с. 13].

По утверждению А.В. Аверина, справедливость коренится не в праве: справедливость есть «общее», присущее живой природе, а право – часть этого «общего», относящаяся лишь к жизни человеческого сообщества. Справедливость в наиболее общем ее значении представляет собой оценочную категорию, характеризующую разнообразные проявления жизнедеятельности с позиций закономерностей существования живой природы. В связи с этим, заключает автор, «ответ на вопрос о возникновении (и сущности) права не следует искать в сформулированных концепциях правопонимания» [1, с. 14].

С.Н. Бабурин обращает внимание на то, что сущность государства и права уже с самого их рождения несет в себе отпечаток нравственности породившего их общества. Возникновение конституционных государств означало не просто закрепление на высшем законодательном уровне политической и правовой систем, но и трансформацию сущности государства, наполнение ее новы-

ми чертами и признаками, в том числе усилением духовно-нравственного начала. Права и свободы – социальная ценность, но и нравственная, а принцип разделения властей – важное условие реализации такого нравственного начала, как справедливость. Нравственность, основываясь на совести личности, выступает одновременно и социальным явлением [1, с. 39].

С точки зрения профессора В.М. Баранова, для раскрытия сущности права недостаточно усилий отдельных, даже очень талантливых, исследователей. Сущность права, считает он, настолько динамична, неуловима, многомерна, что «позволяет юридической науке на каждом этапе развития обнаружить лишь некоторые ее стороны, аспекты, моменты, лики, черты, свойства, состояния, процедуры, образы» [1, с. 48].

Что касается общеюридического (хотя бы и временного) консенсуса по проблеме сущности права, В.М. Баранов полагает, что «хороший ответ можно попытаться найти в уже существующих подходах, например, в современном международном праве, когда (1) конкретные решения принимаются консенсусом; (2) под консенсусом понимается отсутствие каких-либо формальных возражений; (3) вопрос, который кто-либо считает вопросом сущности, должен так и рассматриваться, как вопрос сущности» [там же].

Большое внимание авторы сборника уделяют анализу государственно-правовых закономерностей (А.А. Воротников, Е.Н. Копина, О.И. Цыбулевская, Т.В. Милушева), системному и отраслевому правовому развитию (В.В. Кожевников, А.Г. Репьев, И.С. Барзилова, О.В. Пискунова, В.В. Трофимов, Е.Ю. Архипова, Е.Г. Потапенко, А.И. Переплетчикова), правотворчеству и правоприменению (А.Г. Хабибулин, К.Р. Мурсалимов, П.А. Гук, А.А. Никитин).

Так, П.А. Гук подчеркивает, что разделяет важнейшие тезисы профессора М.И. Байтина о сущности права, взаимосвязи различных школ правопонимания, о воздействии идей естественно-правовой теории на развитие современного российского права. Впервые они получили официальное признание и выражение в Декларации прав и свобод человека и гражданина РСФСР 1991 г. и Конституции РФ 1993 г. Один из новых моментов, характеризующих современный нормативный подход к праву, по мнению П.А. Гука, состоит в стремлении преодолеть его отрыв от идей ес-

тественной школы права, обеспечить единство естественного и позитивного права в теории и на практике. Более того, в этом направлении развивается отечественная научная доктрина, а позитивное право в России формируется судебными органами, когда посредством толкования законов раскрывается сущность норм права для регулирования общественных отношений [1, с. 88].

Воззрения М.И. Байтина на сущность права и их оценка и развитие отечественными специалистами в области теории права, представленные в вышеупомянутом издании, с нашей точки зрения, являются ценным вкладом в развитие правовой науки.

Современное общество демонстрирует устойчивый спрос на понимание сути права, правовых явлений, правовых регуляторов в целях преобразовать разнообразные социальные процессы и отношения. В связи с этим далее остановимся на новых концепциях права, представленных в публикациях зарубежных ученых-юристов.

Концепция «трансформирующего права» (transformative law). Эту концепцию выдвинул Поль Ф. Кьяэр из Копенгагенской школы бизнеса (Дания). Ипостась права, – начинает свое исследование автор, – «оформление социальных явлений, будь то из области экономики, политики, религии и др.» [4].

Поддержание нормативных ожиданий является ключевой функцией права. Однако и само право трансформируется в попытке стабилизировать, а также расширить или преобразовать разнообразные социальные процессы и отношения. Правовые институты конкуренции, договора или собственности служат яркими примерами. Концепция «трансформирующего права» возникает из гносеологического понимания права – как «формообразующего», придающего правовое состояние социальным явлениям. Именно благодаря этой функции «придания формы» право конституирует общественный феномен как правовой институт, и именно такое свойство права создавать (правовые) формы обеспечивает ему стратегическое положение в обществе и в общественных отношениях [4, р. 760].

Развитие права исторически направлено на установление разграничений между различными сферами жизни, «измерениями» общества. Взаимодействие этих различных «измерений» общества в рамках строгих правовых форм позволяет переносить компонен-

ты смысла – моральные, религиозные, социальные, культурные, политические – из одного «измерения» общественной жизни в другое, в юридически точной и контролируемой форме. Функции права как основные направления воздействия государства на общественные отношения дифференцируют и взаимосвязывают эти отношения. Это не только и не столько позиция «верховенства», сколько роль «инфраструктурной сети» [4, р. 762].

Общество в условиях преобразующего права выходит за рамки устоявшихся различий в правовых формах, таких как частное – публичное, государство – гражданское общество, национальное – транснациональное. «Тем не менее, именно право (а не политическая власть в социуме) обеспечивает общество институциональной сетью, которая отражает роль права как одновременного дифференцирующего и связующего звена» [4, р. 763].

В современном мире, по мнению П.Ф. Кьяэр, сохранение высокоцентрализованного государственного управления, действующего в статичных правовых рамках, практически невозможно – в связи со многими сложными проблемами управления обществом. Более того, сама идея, что государство обладает способностью осуществлять всеобъемлющую форму контроля во всех сферах жизни общества, исторически сомнительна. Точно так же неоправданна и полная ставка на общественное «саморегулирование», которое вызвало, в частности, «стихийное» развитие финансового сектора и последовавший мировой финансовый кризис 2007 г. [4, р. 768].

Заглядывая в перспективу, автор исследует потенциал для нового подхода – «новой “эволюционной” стадии права», «трансформирующего права». «Формирование» относится к форме, а частица «транс» – к действию, при котором форма выходит за рамки уже существующей, т.е. трансформация означает «изменение формы». Таким образом, цель «трансформирующего права» состоит в изменении (правовых) форм [4, р. 769].

Изменения наблюдаются в трех аспектах – материальном, социальном и временном:

– в материальном аспекте – акцент на форме означает более пристальное внимание к основной задаче права как механизма одновременной дифференциации и взаимосвязи различных социальных процессов. Право классифицирует социальные явления и дей-

ствует в этом смысле как конститутивное начало, придавая юридическую форму социальным процессам [4, p. 769];

– в социальном аспекте – право играет решающую роль в содействии социальному обмену (покупка товаров и услуг), или, напротив, воспрепятствовании социальному обмену (в случае применения насилия или распространения клеветнических заявлений в социальных сетях и др.). Кроме того, право в рассматриваемом аспекте повышает эффективность социальных процессов, придавая им организационные формы. Эти перспективы могут быть расширены за счет «инфраструктурного права», понимаемого как сеть и каналы, через которые осуществляются административные, экономические, массовые коммуникации и другие социальные процессы [4, p. 771];

– во временном аспекте – право позволяет справиться с растущей сложностью общества и общественных отношений и сосредоточиться на разработке процедур для процессов принятия решений. «Процедурализация» в праве – традиционный способ управления в обществе, он позволяет праву стать более гибким, адаптивным и динамичным, лучше реагировать на изменения в обществе. Процедурный подход имеет много преимуществ, он создает основу для расширения временного горизонта за счет разработки правовой концепции устойчивого развития как в индивидуальном, так и в общественном измерении. Эта концепция могла бы служить объединяющим фактором для широкого спектра общественных процессов и групп проблем, таких как экологическая, социальная, здравоохранительная, а также экономические вопросы и проч. [4, p. 772].

Однако автор понимает, что его концепция «трансформирующего права» – это скорее потенциальная возможность, чем близкая реальность. Структурно появление такого права обуславливается «ускорением», «темпорализацией» общества. Однако фрагментарные проявления «трансформирующего права», которые отмечаются сегодня в науке, практике и законодательстве, могут и не создать, в итоге, новой фундаментальной структуры «трансформирующего права» [4, p. 778].

Исходя из концепции П.Ф. Кьяэра, И. Кампуракис, сотрудник Роттердамского университета Эразма (Нидерланды), развивает идеи о роли и потенциале права в социальных преобразованиях

[3]. Опираясь на представления о конституирующей роли права, он задает контуры «трансформирующего инструментализма», в котором право понимается как инструмент для формулирования политических и социальных целей. В отличие от П.Ф. Кьяэра, И. Кампуракис переносит внимание с формы «трансформирующего права» на его содержание [3, p. 808].

Автор выдвигает тезис о том, что признание конституирующей роли права не обязательно приводит к инструментализму, исчерпываемому контролем над процессами «юридического кодирования». Роль права определяется не только правовым институционализмом, но и приоритетностью материальных целей социально-правового развития. При этом открытым остается вопрос о конкретных правовых формах или политике, которые материализуют такие цели [3, p. 809].

«Право 3.0». Если ставить «во главу угла» правового развития технологический прогресс, вариант правового будущего можно представить в концепции «Права 3.0», как это делает профессор права Королевского колледжа Лондона и Борнмутского университета, почетный профессор Шеффилдского университета Р. Браунсворд [2]. По его мнению, последние достижения в области технологий дают возможность использовать технические решения, а не просто полагаться на юридические нормы, правовое регулирование общественных отношений – из чего, в результате, должно появиться «право версии 3.0». Центральная идея автора состоит в том, что современное право и его развитие не могут быть в полной мере понятны до тех пор, пока мы не осознаем значения технологий в формировании как правовой доктрины, так и нормативного мышления. «Право 3.0», – утверждает он, – особый вид риторики (и мышления), который следует сравнивать с двумя предшествующими (эволюционными) формами – концепциями «Право 1.0» и «Право 2.0» [2, p. 1].

Что же следует понимать под доктриной «Право 1.0» и тем, как оно развивалось, чтобы возникло «Право 2.0», которое, в свою очередь, со временем эволюционировало, чтобы дать сформироваться концепции «Право 3.0»?

В концепции Р. Браунсворда формой аргументации в «Праве 1.0» является применение норм, стандартов и общих принципов к конкретным фактическим ситуациям. Некоторые из правовых

норм, стандартов и принципов способны проявлять себя довольно гибко, что означает, что «Праву 1.0» присуща – в некоторой степени – способность вносить коррективы в новые ситуации и обстоятельства, либо делать исключения для случаев, когда применение к фактам относимых правовых норм являлось бы несправедливым в данных обстоятельствах [2, р. 3]. Тем не менее по мере роста индустриализации общества, расширения использования технологий, возрастает нагрузка на «Право 1.0»; оно оказывается не приспособлено для реагирования на все те множественные ситуации, обстоятельства и риски, которые возникают [2, р. 17].

На этом этапе начинает выкристаллизовываться «Право 2.0». Здесь форма аргументации и правовая доктрина приобретают политический характер и инструментализм. Вопрос состоит в том, чтобы сделать право эффективным, в формулировании новых норм и правил, нормативно-правовой базы, развитии «правового регулирования» и механизмов, которые служили бы целям, которым на данном этапе намерены следовать государственная власть и правительство [2, р. 3].

В доктрине «Права 2.0» центр тяжести в правовой системе смещается с судов и «судебников» на исполнительную и законодательную власть. В вопросах, где требуется регулировать применение новых технологий, до некоторого момента оказываются востребованы как версии «Права 1.0», так и «Права 2.0».

Переход от «Права 2.0» к «Праву 3.0» основывается на инструментализме, свойственном «Праву 2.0», однако в этот период многое зависит от того, насколько данное общество готово принять новые технологии в качестве одного из способов изменения общественных отношений, наряду с юридическими средствами. Например, идея о том, что архитектура и дизайн могут быть использованы для защиты личности и собственности, так же стара, как пирамиды и замки. Нормативный подход в доктрине «Права 3.0» характеризуется постоянным вниманием к потенциальному использованию технологического инструментария, т.е. технологий, количество, качество и многообразие которых существенно отличают наши современные условия жизни как от доиндустриальных, так и от раннеиндустриальных обществ [2, р. 34].

Чтобы проиллюстрировать особенности подходов «Права 3.0», Р. Браунсворд приводит пример со сбоем в лондонском аэро-

порту Гатвик незадолго до Рождества 2018 г., когда в непосредственной близости от аэродрома был замечен неизвестный беспилотник. В качестве меры предосторожности все рейсы были приостановлены, и на два дня аэропорт был закрыт. Учитывая, что тысячи пассажиров оказались в крайне затруднительном положении, это стало главной новостью страны. Для того чтобы впредь избегать такого рода «новостей», стало ясно, что потребуется определенная реакция. Как в такой ситуации должно было бы отреагировать право? Например, в этот же период представители ассоциации пилотов рассказывали в телеинтервью, что они уже неоднократно ставили вопрос о том, что беспилотные летательные аппараты представляют реальную опасность для воздушных судов, и что зоны отчуждения вокруг аэродромов (установленные действующими правовыми нормами) необходимо расширить. В свое время правительство отреагировало на эти обращения, объявив, что полиции будут предоставлены новые полномочия по борьбе с незаконным использованием беспилотных летательных аппаратов, и что бесполетная зона для беспилотных летательных аппаратов будет расширена до трех миль вокруг аэропортов. Принимая подобные решения, правительство фактически признало, что существующее правовое регулирование не соответствует предполагаемым для него целям – не подходит для защиты безопасности воздушных судов, их пилотов, экипажа и пассажиров, и что необходимо внесение в него изменений.

Однако в то же время ситуация могла получить другой ответ: вместо того, чтобы сосредоточиться на поиске соответствия юридических норм поставленным целям в правовом регулировании, можно было бы сосредоточиться на поиске технологического решения, которое на практике сделало бы невозможным полет беспилотника вблизи аэропорта (например технологии для отключения и безопасного сбивания несанкционированных беспилотных летательных аппаратов). То есть, вместо того чтобы полагаться на нормативное правовое регулирование рисков, связанных с авиационными полетами, можно технологически улучшить конструкцию и требования по безопасности беспилотных летательных аппаратов и/или аэродромов.

По мнению Р. Браунсворда, «сосуществование» выделенных им двух подходов в регулировании – (1) посредством изменения

нормативного правового регулирования и (2) прямого технологического решения – составляет сущность «Права 3.0».

Автор проводит идею о том, что в современном мире наряду с развитием нормативного правового регулирования следует искать возможные технические решения. Это охватывает широкий спектр мер, которые могут дополнять или заменять нормативное правовое регулирование. Меры могут быть, например, «архитектурными», т.е. здания и помещения могут проектироваться таким образом, чтобы уменьшить возможности для совершения преступлений, несчастных случаев и травм, для энергосбережения и тому подобного. Технологические меры и решения могут быть включены в разработку продуктов или процессов (например, при автоматизации люди могут быть удалены и исключены из потенциально опасных ситуаций), и, в принципе, технические меры могут быть включены в переносные устройства или даже в самих людей и т.п. [2, р. 2].

При этом, как отмечает Р. Браунсворд, некоторые черты, свойственные «Праву 3.0», по сути разрушают «традиционное» право юридической аргументацией использования новых технологий, в результате чего, по мнению исследователя, возникает необходимость переосмыслить, а затем и «изобрести» право заново.

Автор полагает, что назрела необходимость переосмыслить сферу регулирования общественных отношений, касающуюся внедрения новых технологий. Вместо того, чтобы мыслить только в «нормативных» конструкциях, предлагается рассмотреть комплексный набор инструментов, которые могут быть использованы для целей регламентации общественных отношений, включая «ненормативные» (технические и технологические меры) [2, р. 5].

Основной тезис Р. Браунсворда – право должно быть адаптировано к новым технологическим достижениям и наделять уполномоченные органы соответствующими инновационному прогрессу обязанностями, а также упорядочивать деятельность органов власти и управления на всех ее уровнях, которые должны – при всех условиях – следовать принципу верховенства права [2, р. 72]. С его точки зрения, «Технические решения в целом и технологический менеджмент, в частности, привлекательны тем, что обещают быть более эффективными, чем нормативное правовое регулирование, но грубый инструментализм технических мер и

технологий требует, чтобы их использование было обусловлено нормативным порядком, который придавал бы им легитимность» [2, р. 81]. В этом он видит верховенство права при использовании технологических инноваций.

Из множества концепций верховенства права Р. Браунсворд придерживается той, которая противостоит как произвольному управлению, так и безответственному поведению граждан. То есть, верховенство права представляет собой соглашение между, с одной стороны, законодателями, правоохранителями и правоприменителями, с другой – гражданами. Действия первых всегда должны соответствовать конституционным нормам, тогда и граждане, со своей стороны, должны уважать и исполнять законно принятые решения [Ibid.].

Этот подход автор распространяет на доктрину «Права 3.0», предлагая применять идеал верховенства права к использованию технологических достижений. В частности, тот факт, что регулирующие органы в области технологического менеджмента прибегают к «ненормативным регуляторам», не означает неактуальность общественного договора о верховенстве права. С одной стороны, по-прежнему важно, чтобы осуществление власти посредством технологического управления было должным образом санкционировано и ограничено, а, с другой – хотя у граждан может быть меньше возможностей для «несоблюдения» нормативного порядка, важно, чтобы соблюдались ограничения, налагаемые технологическим управлением.

Значение верховенства права в эпоху «технологического менеджмента» не следует преуменьшать. Действительно, если мы хотим заново «изобрести закон» для нашего технологически продвинутого времени, одним из первоочередных приоритетов является признание того, что не только открытая принудительная сила закона ограничивает наши возможности, но и гораздо менее очевидное технологическое регулирование [2, р. 82].

Кроме того, заглядывая еще дальше – в будущее, автор предсказывает, что «Право 3.0» может со временем трансформироваться в «Право 4.0» [2, р. 119]. Например, говоря о признаках «Права 4.0», Р. Браунсворд полагает, что «дальнейшие разработки в области генетики человека позволят нам глубже исследовать гены, понять, насколько конкретные генетические профили опреде-

ляют нас как личность, как мы действуем или реагируем на те или иные ситуации и обстоятельства. В перспективе это могло бы привести к появлению технократической стратегии, которая будет сфокусирована на внутреннем контроле человека. Если бы это произошло, мы бы не столько оказались в технологически управляемой среде, сколько были бы технологически управляемы сами, посредством нашего генетического кодирования» [2, р. 120].

В книге Р. Браунсвора поставлено много вопросов, которые требуют внимания исследователей будущего права. Так, пишет он, «может оказаться, что не биотехнология станет движущей силой Права 4.0... Возможно, это будут дальнейшие достижения в области искусственного интеллекта, вплоть до того, что люди однажды решат, что все юридические и регулятивные вопросы лучше доверить машинам. Если допустимо, чтобы роботы укомплектовывали тюрьмы, почему бы не использовать роботов-полицейских? И если приемлемы роботы-полицейские, почему бы не использовать и роботов-судей? И, если роботы-судьи допустимы, почему бы не использовать робота-правительство?» Или, в «Праве 4.0 может проявить себя верховенство *Lex Machina*. Однако, если общество задумается о технологическом “развороте”, в Праве 4.0 можно будет обнаружить, напротив, уничтожение машин» [Ibid.].

Таким образом, в работе Р. Браунсворда «Право 3.0» сочетаются, с одной стороны, «традиционные» представления об эволюции права XIX–XX вв., например, по схеме «обычай – прецедент – закон», с другой – идея о том, что право – лишь одно из средств регулирования общественных отношений (наряду, например, с этикой, обычкновениями, идеологией и проч.).

Заключение

Вопросы теории права – такие, как сущность права, правовые преобразования и трансформации, будущее права, – сохраняют свою актуальность. Исследователи выдвигают множество конструктивных концепций, проектов и идей развития права, его трансформации, которые следует выносить на научное и публичное обсуждение, поскольку роль права в жизни государства и общества высока, и с ним во многом связываются надежды и чаяния эффективного и устойчивого развития.

Список литературы

1. Сущность права : сб. ст. к 100-летию со дня рождения профессора М. И. Байтина / под ред. В.М. Баранова, С.А. Белоусова, И.Н. Сенякина. – Саратов : Изд-во Саратов. гос. юрид. акад., 2022. – 312 с.
2. Brownsword R. Law 3.0: Rules, Regulation, and Technology. – Abingdon ; New York : Routledge, 2021. – 130 p.
3. Kampourakis I. Legal theory in search of social transformation // European law Open. – 2022. – N 1. – P. 808–821.
4. Kjaer P.F. What is transformative law? // European law open. – 2022. – N 1. – P. 760–780.